

В поисках архаического прошлого в психике

А. А. Богданова

Богданова Анна Алексеевна – психолог (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный терапевт.

Архаика была и остается неутоленной страстью психоанализа. Она всегда присутствует и в практике, и в теории. Фрейд также не избежал участи быть очарованным архаикой. Он так или иначе возвращался и обращался к ней в своих трудах. М. Кляйн в своих наблюдениях за младенцами дала еще больше пищи для рассуждений и споров вокруг архаического. Но невербальность архаики, слои времени и защит, покрывающие ее, усложняют доступ к ней или не дают нам возможности увидеть ее в неизменном виде. В данной работе предложен подход слушания архаики в материалах пациентов через разную оптику, а также способ слушания архаики в апреку, а именно через анализ защит, к которым прибегает пациент в терапии. Архаика рассматривается как состоящая из двух частей: рудиментарной и потенциальной составляющих, что возможно увидеть в первофантазмах – представителях архаического в психике.

Ключевые слова: архаика, первофантазмы, эдипов комплекс, защиты, апреку, отыгрывание, мифы.

Архаика всегда занимала ведущие умы человечества, этой участи не избежали и психоаналитики, которые были «очарованы» ее неуловимостью, неоднозначностью и недоступностью. Фрейд в своих работах так или иначе всегда обращался к архаике. В работе «Тотем и табу» (1912–1913) он опирался на антропологические исследования в попытках найти общее с теми открытиями, что были сделаны в психоанализе, а именно искал корни эдипова комплекса – как «ядерного комплекса неврозоз». Он искал архаические следы в амбивалентности чувств субъекта по отношению к отцу и матери, пытаясь найти корни того бессознательного чувства вины, которое сопровождает эдипов комплекс. Далее в работе «Жуткое» (1919) он вводит термин *Un-heimlich* (странное, чужое), противопоставляя его

Heimlich (привычное, знакомое), описывая специфическую тревогу, чья сила настолько велика, что есть ощущение, что она имеет доисторическую природу, являет то, что кроется глубинах бессознательного и практически недоступно для репрезентации. Эта тревога становится основой кастрационного страха. Страх потери чего-то очень ценного, что, с одной стороны, приводит, к структурированию психики, но также, если этот ужас настолько велик, заключает психику в ловушку компульсивных повторений и вынуждает субъект постоянно проигрывать уже кажущийся известным сценарий в попытках удалиться от источника тревоги, но фактически он обнаруживает себя в той же точке, откуда начал, как бы бегая по кругу. В работе «Отрицание» (1925) Фрейд говорит о том, что вытесненное отвергается индивидом, даже когда оно выходит на «поверхность» из глубин психики. Здесь можно увидеть отрицание как примитивную защиту психики от невыносимого, что в дальнейшем приобретет формы проекций и проективных идентификаций. Это как «съесть или выплюнуть», «переварить или исторгнуть». Во время своих «археологических раскопок» психики Фрейд пишет работу в продолжение «Тотема и табу» – «Человек Моисей и монотеистическая религия» (Фрейд, 1939), где он повергает в «шок» ортодоксальное иудейское сообщество своим заявлением, что Моисей был не евреем, а «благородным египтянином»; здесь Фрейд продолжает изыскания истоков монотеистических религий. В работе «Будущее одной иллюзии» (1939) он размышляет о роли культуры и цивилизации в формировании и развитии человечества, между которыми он не делает принципиального различия. Он говорит о том, что задача культуры – усмирить и упорядочить животные порывы человека, для того чтобы дать возможность развитию. И именно в этом лежат корни недовольства культурой, так как одна из ее задач – ограничивать, а лучше всего сублимировать эти противоречивые, невыносимые, враждебные чувства индивида.

Много своего внимания уделила архаическому М. Кляйн. В своих работах («Детский психоанализ», 1932; «О наблюдении за поведением младенцев», 1952, и др.) она была более внимательна к материнскому контрпереносу, и А. Грин критиковал ее за то, что она превратила Эдип в *Mutter complex* (Green, 2017), но при этом он отдает должное ее гению и сделанным ею открытиям: описанию архаичных тревог, акцентам на значимости первых стадий развития, первофантазмах и ее вниманию к примитивным (архаическим) защитам. Благодаря ее работе с младенцами и психическими пациентами это стало доступным для анализа.

Конечно, мы не должны быть настолько самоуверенны, чтобы утверждать, будто благодаря ее работам мы получили возможность увидеть дно психики и разглядеть все наше архаическое прошлое. Но аналитики, своего рода, археологи психического, не останавливаются в своих попытках разглядеть его, но все же слои времени, как слои пород, искажают то, что «прорывается» на поверхность, и мы не можем быть достаточно уверенными в том, с чем имеем дело. Это как найти скелет динозавра и пытаться представить, как он выглядел на самом деле, чем питался и как размножался. Разница в том, что у археологов есть инструменты

для реконструкции (высокотехнологичные цифровые инструменты – 3D-сканирование, 3D-моделирование, ГИС-реконструкции, высокоточная оптическая микроскопия). Психоаналитики же не имеют такой возможности и могут опираться только на признаки, которые столь же размыты, как и сама архаика. В этой статье я задаюсь целью сформулировать те критерии, которые можно использовать, чтобы разглядеть архаическое в материале пациентов, а также подтвердить свою гипотезу, что архаика состоит из двух составляющих – рудиментарной и потенциальной, что мы можем увидеть в первофантазмах – представителях архаического в психике.

Фрейд имел дело с невротическими пациентами и сделал там много открытий, но неневротические пациенты со всей своей сложностью, иногда даже не поддающиеся анализу, обескуражили Фрейда, и эту работу продолжили его потомки. И кажется, что именно работа с неневротическими структурами позволяет аналитикам «прикоснуться» к неизведанному, сложному, недоступному к репрезентациям, к доисторическому периоду человечества, к той самой архаике. Но считаю важным отметить, что, с одной стороны, путь к архаическому через материалы психотических пациентов кажется нам более прямым и в этом есть смысл, так как именно у них мы можем разглядеть архаику так сказать «во всей красе». Но Грин предлагает искать ее не только там. Причина этому – патологические регрессии, которые являются не просто возвращением к точке фиксации, но также сопровождаются преобладающими разрушительными влечениями и деструктивностью, что мешает выявлению «чистой» архаики. Он высказывает опасения, что чрезмерное увлечение аналитиком поисками архаики у психотических пациентов может привести к серьезным несчастным случаям у последних или даже самоубийствам. Ту же осторожность он призывает соблюдать в работе с психосоматическими пациентами. Поэтому Грин предлагает искать архаику еще и на более зрелых уровнях психики. А конкретно в Сверх-Я и Идеале Я. А точнее, в отношениях власть – подчинение (*Green, 2017*).

Можно задаться вопросом, насколько подчинение Я Сверх-Я подвижно свободной волей субъекта? Ведь только страх наказания (кастрационный комплекс) или страх потери (неплотской любви родителей) заставляют субъект подчиняться вводимому закону. Именно в диадах «послушание – покорность» (*Green, 2017*) (для невротических структур) и «гордость – смирение» (*Green, 2017*) (для неневротических структур) постоянно стоит вопрос власти и борьбы за нее, что возвращает нас наше архаическое прошлое. Архаика материнского всемогущества всегда идет в паре с бессилием того, на кого это всемогущество распространяется. Тогда возникают зависть к этому всемогуществу и желание обладать им (так же звучит у Мелани Кляйн в ее концепции «зависти – благодарности»). Конфликт разрешается в невротических структурах появлением Сверх-Я, которое возникает после символической кастрации, Идеала Я у пограничных структур или симбиотического всемогущества у психотических структур, когда есть отрицание кастрации.

Грин пишет (2017), что конфликт «послушания – гордости» раскрывается в анализе. Этот первичный анальный конфликт является одновременно и архаикой, и защитой от архаики, и будет недальновидно рассматривать только один из этих аспектов. Неподчинение так же мучительно и хаотично для субъекта, как и угроза хаоса, которую он стремится предотвратить. Грин приходит к выводу, что в конечном итоге конфликт «послушания – гордости» не направлен ни против Сверх-Я, ни против Идеала Я, он скорее направлен против тревоги существования бессознательного как угрозы, направленной против господства. Как будто единственным способом не быть поработленным является только возможность самому стать (быть) господином (Кронос и Уран, Зевс и Кронос и др.). Более зрелое Сверх-Я призывает нас к смирению и признанию всемогущества Бога. Пример «послушания – покорности» – ритуал обрезания у иудеев и мусульман, как буквальная кастрация. Этот акт должен свидетельствовать о покорности и принятии заветов Бога. «Гордость – смирение» мы можем видеть в наших кабинетах в терапии пограничных случаев. Где аналитик «навязывает» кадр и пациент вынужден ему подчиняться, но последний постоянно нападает на него (кадр), желая сменить роли и занять место у руля.

Я предлагаю посмотреть на архаическое через разную «оптику»: через телескоп и микроскоп, а именно на архаику в социокультурном проявлении и архаику индивидуума. В первом случае архаика звучит в нашем историческом прошлом, в так называемых сильных режимах, где центральную роль вседержителя играет первобытный отец, которого в конце концов убивают. Здесь я предлагаю вспомнить нашу собственную историю убийства Николая II и последующее его причисление к лику святых. В Османской империи был ритуал убийства всех братьев взошедшего на трон султана во избежание попыток свержения власти.

Также этот след лежит в монотеистических религиях, в частности христианстве, где идея обретения «царствия небесного» является центральной. Той самой желанной утробой, куда мы постоянно стремимся в нашем первофантазме об утраченном рае, является именно тот самый Эдем. В религии мы находим успокоение во время опасностей, под крылом милосердия Бога, но мы не найдем столько же сострадания у древних божеств, они скорее карающи и своевольны. Ведь с ними запрещено идентифицироваться, это стало возможным только при появлении идеи о человеке как носителе искры Божьей. И именно в периоды войн и конфликтов архаическое прорывается к нам, в нас оживают древние боги: Гея, Перун, Мокошь, Нут, Кибела, Исида и многие другие.

Что же мы можем увидеть, глядя через микроскоп? В процессе своего индивидуального развития субъект проходит стадии формирования как физически, так и психически. Здесь нет задачи рассматривать доисторический период человечества с точки зрения физиологии, нас интересует психическое становление человека. От эмбриона к плоду, от новорожденного к младенцу, от младенца к ребенку, от ребенка к подростку и взрослому. Преодолевая эти физиологические стадии, развивается и совершенствуется психика, проходя через потери и фрустрацию, травмирующий

опыт и страдания, а также через удовольствие. Нельзя отрицать влияние первичного окружения на формирование психического, но считаю важным отметить, что разграничивающая линия будет проведена тогда, когда ребенок осваивает речь. Именно вербальность позволяет перейти из одного состояния в другое, появляется возможность говорить и переводить сообщения взрослого. Именно в невербальности лежит сложность взаимодействия с архаикой. И здесь мы можем назвать архаику субъективной.

Выше я упоминала **первофантазмы как проявление архаического** и считаю нужным подробнее остановиться на этом. Мы можем ориентироваться в безграничном, только находя и создавая ориентиры, так сказать, опорные точки. Этими опорными точками становятся первофантазмы. Они являются своего рода «представителями» архаического. В 1915 году во «Введении в психоанализ» появляется термин «первофантазмы». Фрейд выделил четыре – возвращение в рай (жизнь в утробе), первосцена, кастрация, соблазнение. Именно эти фантазмы организуют психическую жизнь, но Фрейд настаивает, что это филогенетическое наследие, передаваемое из поколения в поколение. Как если бы они существовали еще в доисторическом периоде, расположенном в начале времен, а значит, возникли на «заре» психики, и мы можем попытаться найти в них то архаическое зашифрованное наследие. Я предлагаю рассмотреть первофантазмы в свете моей гипотезы, что архаическое состоит из двух составляющих: рудиментарной и потенциальной.

Первофантазм о возвращении в рай – это фантазм о нирване, покое, о состоянии, когда все потребности удовлетворены и субъект еще не является субъектом, а скорее неотъемлемой частью чего-то большего. Здесь опять можно упомянуть об основных современных (и не только) религиях, о возвращении к нашему прародителю, в состояние вечного блаженства. Но «мужской» Бог появился гораздо позже, и здесь скорее видится уже начало истории. Если же смотреть глубже, то основные первобытные культы были связаны с женскими божествами, для которых не было равного среди мужчин. Не идет ли здесь речь о великой утробе богини-матери, которой не было равных среди мужчин-богов? Для того чтобы зачать, ей не нужен был мужчина. Достаточно было проглотить своего младенца, чтобы забеременеть, как это происходит в мифе о богине Нут, о Гее, которая самостоятельно родила Урана и потом вступила с ним в связь. Древние божества также часто являлись гермафродитами, об этом писал Платон в «Пире», называя их «андрогинами». Так возможно ли родиться психике из такой всемогущей утробы? Так это и произошло, благодаря появлению других божеств – мужчин: Зевса, Перуна и др. Но все они были плодами великой архаической матери. И память об этом «до-временье» лежит в бессознательном – в архаике.

Если размышлять об этом фантазме в парадигме, которую я предлагаю, то можно выделить также части этого фантазма: рудиментарную, которая проявляется в желании только получать, и потенциальную, когда появляется желание давать. Здесь рождение является травмой, но оно заряжено возможностью развития.

Каннибалистическая трапеза. Этот первофантазм не был выделен Фрейдом как отдельный. Тема каннибализма впервые появляется у него в работе «Три очерка по теории сексуальности» (1905), где он приводит аналогию между сексуальным влечением и влечением к принятию пищи, голодом, а позже он вводит понятие оральной организации, каннибализм выступает как характеристика этой стадии психосексуального развития. Иногда говорят о каннибализме как признаке оральной стадии.

Абрахам подразделяет оральную стадию на две фазы – доамбивалентного сосания и амбивалентного кусания, он считает каннибалистической лишь вторую фазу (Абрахам, 1933).

В период развития кляйнианской теории ее сторонники наибольшее внимание уделяли оральной стадии развития индивида, а именно проявлениям оральности и первофантазмам, связанным с ней. Это фантазм об оральном поглощении, пожирании, инкорпорации и в дальнейшем интроекции, идентификации, присвоении опыта (как положительного, так и отрицательного). Он проявляется в правилах и ритуалах. В деструктивном его выражении проявляется в виде убийства, поглощения и/или зависти, жадности. Ярче всего представлен на оральной стадии в опыте питания, где удовлетворяются не только физиологические потребности, но и эмоциональные. Является основой формирования первичного нарциссизма и ощущения самооценности, формирования образа Я. В случае отрицательного опыта кормления (агрессия матери, ненависть, эмоциональная отстраненность) объект становится плохим, и с ним невозможно идентифицироваться, его необходимо либо полностью проглотить, чтобы не потерять никогда, либо выплюнуть, исторгнуть. Во взрослом возрасте может проявляться в виде расстройств пищевого поведения – булимии, анорексии.

Этот первофантазм проявляется в работе горя и меланхолии. В первом случае объект выбрасывается, освобождая место для других идентификаций, и появляется возможность для инвестиций другого объекта, во втором он поглощается и заменяет Я.

Страх поглощения другим ярче всего проявляется у психотических пациентов, а также у шизофреников. В случае оперативного функционирования может быть, наоборот, желание исторгнуть, извлечь из себя этот объект.

Проявляется в ритуалах совместных трапез, где через еду происходит идентификация с группой – «разделить хлеб», «разделить трапезу»; отказ принимать пищу в гостях – это неуважение к хозяевам, другими словами, нежелание идентифицироваться с ними. А совместная трапеза на праздниках и поминках – это способ разделить радость или горе. В символическом качестве он проявляется в христианстве во время ритуала причастия, где пьют кровь Христову и едят тело Христово в виде вина и хлебного мякиша (зависит от ответвления христианства). В мифах и сказках этот фантазм встречается очень часто: Кронос, Баба-Яга, пожирающие детей, Нут, пожирающая сына, чтобы забеременеть, но также Аленушка,

которая прячется в печи, убегая от преследования и тем самым спасаясь (сказка «Гуси-лебеди»).

Так как этот первофантазм – основа формирования идентификаций, то также возможна идентификация с агрессором или жертвой, что свойственно анальной стадии психосексуального развития индивида. Именно на этой стадии конфликт «власти – подчинения» выходит на свою наивысшую точку, и выход из него пока только возможен через идентификацию с одной из сторон конфликта.

В архаике этот первофантазм несет в себе очень много агрессии, зависти и желания присвоить что-то или кого-то и проявляется очень буквально. Мы можем увидеть архаические следы в сильных амбивалентных чувствах к своему родителю (матери или отцу). Поэтому поглощение родителя в эдипальном конфликте позволяет проработать агрессию. Здесь будет уместно вспомнить убитого и съеденного первоотца как буквальный пример проявления этого фантазма. Именно эта часть фантазма представляет рудиментарную часть – убийство, поглощение, триумф над отцом. Но чувство вины, возникающее после этого действия, – потенциальная часть для развития, именно она запускает механизм интроекции и идентификации с убитым отцом, что дает начало эволюции психики. «Однажды изгнанные братья собрались вместе, убили и съели своего отца, что положило конец существованию отцовского племени. Объединившись, они стали более смелыми и смогли осуществить то, что каждый из них не смог бы осуществить по отдельности» (Фрейд, 1913).

Первосцена. В «Толковании сновидений» (1900) Фрейд не пишет о первосцене как таковой, хотя он подчеркивает, что увиденное ребенком соитие взрослых вызывает у него чувство страха и ребенок пытается отстраниться, отвергнуть это видение, чтобы с ним справиться. Ребенку кажется, что родители в этот момент также испытывают страх, так как ребенок видит агрессию отца при садомазохистических отношениях, основанных на доэдипальном опыте отношений с матерью и связанных с ним желаниях. Также это фантазм о собственном зачатии, где есть трое, но третий должен быть исключен. Что тут в первосцене? Реальные воспоминания ребенка о пережитом событии или же это чисто фантазийное явление? Я бы сказала, что здесь присутствует и то и другое. Здесь есть тот архаический опыт, который заложен и недоступен в бессознательном, и воспоминания о нем оживают благодаря услышанным звукам, шумам, похожим на соитие животных или же их трапезу, что приводит к фантазированию о том, что же там происходит в родительской спальне. Нам стоит размышлять и исследовать происхождение этой фантазии, как если бы она уже существовала в психическом в невыражаемой форме и прорывается сквозь время, разбуженная звуками и образами, которые уже нам кажутся знакомыми, но не менее пугающими.

Рудиментарная часть этого первофантазма – исключение, что является травмирующим для субъекта, потенциальная – фантазийное присутствие, что дает начало фантазму о собственном происхождении. Именно отсутствие или поврежденность потенциальной части это первофантазма становятся причиной психотического фантазма о самопорождении.

Архаический вариант первосцены представлен в мифе об Уране и Гее. Уран (Ουραν), греческий бог, олицетворяющий небо, – супруг земли Геи, принадлежащий к первому, самому древнему поколению богов. Гея родила Урана и, вступив с ним в брак, породила горы, нимф, море Понт, титанов, циклопов, сторуких. Уран обладал бесконечной плодовитостью. Дети его были ужасны видом и отцу своему ненавистны; он прятал их в утробе Геи, тяжело от этого страдавшей. Земля задумала облегчить свою судьбу, и по ее просьбе младший сын Кронос серпом оскопил Урана. Кронос был третьим в этой архаической первосцене. Но он прибег к насилию над отцом, буквально оскопив его.

Соблазнение. Фрейд впервые говорит о соблазнении в 1893 году, и это понятие сначала существовало как клиническое открытие. Когда же Фрейд усомнился в подлинности этих «воспоминаний», он перевел соблазнение в поле фантазмов. В любом случае, будь то реальное или фантазийное соблазнение, оно оказывает влияние на сексуальное развитие ребенка.

Не хочется дальше углубляться и развивать невротическую сторону феномена соблазнения и его последствий. Здесь стоит задача увидеть архаический след в соблазнении. Мать тоже соблазняет ребенка к жизни, но другим «языком» – «языком нежности» (Ференци, 1933), а не страсти, что пока недоступно для усвоения детской психикой. Какой же архаический посыл лежит в этом фантазме? Доэдипальный опыт контакта с матерью. Фрейд считал, что соблазнение – это не только исторический факт в жизни субъекта, но структурирующий момент, который может быть доступен в настоящее лишь в форме мифа. Лапланш пишет о соблазнении с точки зрения асимметрии отношений ребенка и взрослого. Ребенок здесь пассивен, а взрослый активен. И первый всегда полностью зависим от «воли» второго. Где же здесь мы можем найти архаичность? Для ребенка взрослый выглядит кем-то великим, большим и практически недостижимым. Ребенок фантазирует о том, как он вырастет и станет равным богам. Но эти земные «боги» при всем их всемогуществе и власти над ребенком часто пользуются этим, чтобы удовлетворить свои желания, снизив собственное перевозбуждение, что делает их в наших глазах не такими зрелыми. Не напоминают ли они нам тех архаических древних божеств, которые были гневливы, мстительны, сладострастны и часто несдержанны? Которые манипулировали человеком для достижения своих целей и удовлетворения, например, своих стремлений к власти, сексуальных желаний и др. Если обращаться к образу архаической богини-матери, которой в принципе является для младенца его мать, то можем ли мы быть уверены, что она сможет оторвать ребенка от своей груди, чтобы дать ему возможность развиваться, или же она продлевает грудное вскармливание из-за оргазма, который она испытывает при этом?

Фрейд в своем произведении «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1939) пишет о том, что Моисей соблазнил еврейский народ их исключительностью, что дало рождение новой монотеистической религии. Здесь есть пересечения с первофантазмом о каннибалистической трапезе, в той его части, где появляется чувство вины и происходит идентификация

с убитым Моисеем, что усложняет нам задачу четко разделить их здесь. Но считаю, что именно соблазненность евреев дала толчок к появлению монотеизма.

Рудиментарной частью этого первофантазма я бы назвала пассивность, что травматично по своей сути, пока ее (пассивность) невозможно принять, потенциальная же часть позволяет развить способность к открытию нового через принятие.

Кастрация. Тревога кастрации является движущей силой символизации. Благодаря этой тревоге мы можем отделиться от первичных объектов и тем самым открыть для себя возможность найти новые объекты любви.

О чем же этом фантазм? О раскрытии разницы полов, запрете инцеста, о законе и о наказании. Через тревогу потери, наказания происходит структурирование и развитие психики. Но иногда эта тревога настолько сильна, что не только не структурирует психику, но и загоняет ее в жесткую ловушку ужаса. Именно на этом ужасе хочется подробнее остановиться.

В своей работе «Жуткое» (1919) Фрейд называет нечто странно и жуткое словом *Un-heimlich*, противопоставляя его слову *Heimlich* – нечто привычное, близкое, известное. Он пишет о специфической тревоге, которая имеет специфическое ядро, которое скрыто в бессознательном, но имеет корни в архаическом. Он говорит о переживании жуткого страха, описывая сказку о Песочном человеке Гофмана, где прослеживается след эдипальности, потому что главный герой Натаниэль влюбляется в восковую куклу и ожидает наказания, возмездия от Песочного человека, который может вырвать у него глаза, и, ведомый этим ужасом, он бросается с башни и погибает. Тревога за свою жизнь – повторение детской тревоги, связанной со страхом кастрации, не с этим ли постоянно сталкивались наши далекие предки? Не здесь ли лежат корни кастрационной тревоги? Фрейд в книге «Тотем и табу» (1912–1913) старается сравнить табу примитивных народов и табу обсессивных невротиков. У примитивных народов просматривается высокая степень амбивалентности в многочисленных правилах, которые сопровождают табу: как нужно обращаться с врагами, проводя ритуалы искупления, и табу правителей, почитаемых поданными, но закрепощенных ритуальной системой, где есть зависть к привилегированному лицу. Тут есть параллели между чувством преследования первобытного человека их владыкой и паранойяльным бредом психотика. В этой работе Фрейд проясняет понятие совести, или осознания вины, как результат нарушения закона. Но для примитивного человека этот голос совести звучит как ужас возмездия. И не здесь ли скрываются корни кастрационных страхов?

Как пример символической кастрации приведу историю Адама и Евы, но не в изложении Ветхого Завета, а в как это было описано в книге Зоар – центральном произведении каббалистического учения. Бог создал Адама и Еву как единый организм, они были слеплены спинами (или ребрами сбоку, так как четко об этом не говорится) и являлись единым существом. После грехопадения, когда Бог изгнал их из рая, он разделил их, чтобы

они могли увидеть друг друга, могли совокупляться и размножаться, как он им велел. Так, может, в этой потере единства, а именно чего-то ценного, что подразумевает комплекс кастрации, и произошло открытие разницы полов?

Еще примером может служить миф об Уране и Гее, он был также упомянут выше, но в другом контексте (см. первофантазм о первосцене). Разыгравшийся эдипальный конфликт между отцом, матерью и сыном разрешается не символической кастрацией сына, а буквальной кастрацией отца. Миф об Уране – свидетельство архаических истоков классической мифологии. Небо и земля мыслятся одним целым, которое затем в космогоническом процессе разделяется на две сущности.

Рудиментарной частью этого первофантазма является потеря чего-то ценного, что травматично для психики, а потенциальная часть – открытие нового через смирение.

Какие критерии слушания архаического материала пациентов можно выделить?

Я считаю важным в этой статье учитывать двухсоставность архаики, потому что именно травматичность архаики способствует появлению защит от нее, через которые мы, собственно, можем ее увидеть. Но, как уже было сказано выше, Грин и Руссийон предостерегают аналитиков от уверенности, что архаика у нарушенных пациентов проявляется в неизменном виде, именно у них она искажается сильнее всего, и это следствие деструктивности и дезорганизованности их психики.

Архаика находится вне времени, до начала времен, когда еще не было исчисления лет, она «нерефлексивна или слабо рефлексивна и способна возвращаться в галлюцинаторной или квазигаллюцинаторной форме» (Roussillion, 2017), ее проявления мы можем видеть в терапии как примитивные защиты, те, что образовались в доисторическом периоде индивида: проективная идентификация, отрицание. В связи с тем, что архаика довербальна, ее практически невозможно или очень сложно репрезентировать словами, поэтому мы часто видим отыгрывания, актинг и телесный язык на наших сеансах. Как если бы это был единственный способ «сказать» то, что не может быть выражено словами. Мимика, неосознанные жесты, действия, конверсионные и соматические симптомы – не это ли язык архаического? Но считаю необходимым здесь также остановиться подробнее на трансисторичности архаического. Этот феномен так же свойственен последствиям личного травматического опыта индивида и его компульсивного повторения. В этом заключается сложность отделения последующего травматического опыта от архаического.

В качестве клинической виньетки я приведу три случая из личной практики.

Женщина средних лет пришла с тревогами за свое будущее и своего ребенка. Здесь я буду называть ее Жанной. Встречи проходили онлайн. Она из малой народности. Вышла замуж за мужчину не из своего рода и, более того, представителя «врага», угрожающего языку и идентичности ее народа.

В ее материале звучит мотив инцестуозности: она принадлежит к малой народности, где все женятся и выходят замуж в рамках своего рода. Это отправляет нас в наши доисторические времена, когда целью было выживание, в тот далекий период истории человечества, когда еще об инцесте как угрозе вырождения ничего не было известно, когда самым важным было выживание вида или, другими словами, рода. Там не было важно, кто является отцом ребенка, важно только, чтобы он принадлежал к роду. Отцом является сам род. Инцестуозность «звучит» и в ее словах: ее сиблинги – ее дети, то есть они плоды инцестуозной связи с отцом, а мать – это только ее мать. Здесь присутствует много жадности и желания обладать матерью единолично. Но также отрицается половая связь матери с отцом, плодом которой являются дети. Чей же она плод? Как будто отец не принимал участия в ее зачатии. А мать родила ее от Рода. Род – это славянское божество, создавшее тьму и свет из хаоса. Он является прародителем всех славянских богов, и отсюда общие корни слов «родитель», «родина», «народ».

Также можно по-другому взглянуть на слово «род». Его еще можно прочесть или услышать как «рот», и здесь появляется рот Кроноса – титана, пожравшего своих детей. Наша первая встреча продлилась вполвину меньше времени, потому что я была вынуждена остановить сеанс из-за того, что в кадре появился ее сын, и при нем она стала говорить о своем отце, унижая его, и о своих детских страхах, что ее мать умрет. Хронос – это время, первоначальное божество, прародитель неба, хаоса и тьмы. В других орфических сочинениях Хронос – безначальное время, из семени которого возникли, огонь, воздух и вода. Как мы знаем, божества в политеизме очень карающи. Она говорит о том, что с ее ребенком и мужем что-то не так. Это звучит, как если бы ее части были помещены в них и на самом деле с ней что-то не так. Здесь проявляется страх того, что в конце концов это заметят, тем самым ее обнаружат и накажут смертью. Поэтому необходимо поместить эти части в других, но тем самым подвергнуть их опасности.

Также архаика здесь проявляется через убийство матери. Но не в виде эдипальной фантазии о ее убийстве. Мать как будто говорит ей: «Ты сможешь стать матерью только после моей смерти». То есть, только убив мать, можно стать матерью. И она нарушила табу, забеременев.

Считаю необходимым осветить в этой статье архаику инцеста в свете данного случая. В психоаналитических трудах инцест освещается чаще всего как источник амбивалентных чувств – желания и запрета. Архаику инцеста я вижу именно в отсутствии запрета. Архаический аспект инцеста – это только желание. Только возникновение запрета, табу – это та примитивная защита регулирующего закона, чья задача выстроить крепостную стену между архаическим желанием и его исполнением. Именно протест Жанны быть частью рода, отказ выходить замуж только за представителей ее народности – защита от архаического «зова». Это те защиты, которые необходимы, чтобы отгородиться от нее.

Ее ребенок появился на сеансе именно в тот момент, когда она говорила о том, как он ей мешает. Она как будто показала мне это, чтобы я

поверила, и в этом было много жестокости. Она говорит при нем, что, возможно, ее ребенок боится ее ухода, и начинает рассказывать о том, как она когда-то боялась смерти своей матери, как будто предъявляя мне своего ребенка как доказательство его причастности к ее возможной смерти и наказывая его, говоря при нем такие слова. Ребенок здесь выступает как причина смерти и как способ ее избежать, причина бессознательной вины за убийство матери, нарушения табу – ведь он плод запретной неодобряемой связи и жертвенный агнец, которого можно отдать карающему боже-ству как расплату.

Ее сын светловолосый. И, возможно, он похож на своего отца, потому что она из народности, где нет белокурых. Не была ли ее жестокость также направлена и на мужа, потому что сын и муж слеплены? И важно отделиться от них, не быть с ними связанными. Как будто только так можно было бы родить ребенка. По ее представлению, те, кто не из ее народности, – они неполноценны, дети от мужчины не из ее народа также несут эту неполноценность, значит, «это не считается». И, возможно, это был единственный способ разрешения этого конфликта: родить, не убив мать. Но этим действием она нарушает другой закон – закон продолжения своего рода. Но при этом враги ее народа считались агрессорами, и враждебный язык как будто поглощал их родной язык. Здесь опять звучит страх абсолютной аннигиляции, как следствие поглощения чем-то большим. Получается, что она вышла замуж за врага. Когда я отметила это, она задумалась и как будто испугалась.

Такое же расщепленное восприятие своего ребенка. Он одновременно и желанный, и нежеланный. Она говорит о том, как он ей досаждал, но и она не может спустить его с рук. Возможно ли, что он защищает ее от своего рода своим пенисом? Присваивая его, она уже становится не своей матерью, но одновременно близость с ней угрожает ее ребенку как плоду «запретной» связи. Тогда здесь просматривается фетишистское отношение к объекту. Ее сын – это ее пенис, даже фаллос, с помощью которого она может защитить себя от возмездия, но и ее жертвенный агнец, как расплата за предательство рода – откуп, ее способ проявить непокорность.

Но ее род – это не только мужское божество, оно не звучит как разделяющее, эдипальное, но поглощающее. Она говорит о том, что принадлежит роду, как если бы она до сих пор не родилась, а еще находится в чреве матери – родине. И ей нужен путь наружу, который она может проложить, только разрезав плоть матери фаллосом своего сына, запретного плода. И невозможно опереться на отца, поэтому она его обесценивает. Когда появляется ее сын, она вспоминает о своем отце. Она говорит о нем уничижительно и гневно.

Хочется подсветить здесь образ архаической матери. Сама мать не звучит в материале, но она как будто поглощена чем-то большим. Так не род ли является еще и матерью? Богиня-мать – одно из главных женских божеств в мифологии и религии. И поклонение женщине-матери восходит к древнейшим временам, например к эпохе палеолита. Это чаще всего образ женщины, которая производит, создает, созидает, управляет силами

природы, и без нее невозможно продолжение рода, а значит, и существование. Но также она имеет и другую сторону: богиня-мать не имеет равного себе супруга, она может сама себе его породить, а затем погубить.

Чтобы соединить то, что было написано выше, считаю важным отметить всю мифологичность того, о чем говорит Жанна, всю обреченность. Как будто все предопределено, и это мышление архаическое. Здесь витает дух фатума, неизбежности, и ничего с этим нельзя поделать. Состояние Жанны нельзя описать словом «страх», это скорее первобытный ужас. Он абсолютно недоступен осознанию, и она пытается справиться с ним, распределяя свои части в других: в мужа, сына, мать и др. Она описала случай соматизации как способ убежать от невыносимого существования. Сбежать из рода, чтобы стереть себя из него. Еще здесь стоит отметить отсутствие разницы поколений. Совершенно непонятно, кто кому является матерью и отцом, при этом прослеживается родство. Да, это признаки неневротической организации психики, но я хочу показать этот случай не просто как дезорганизованный, расщепленный и нарушенный, а скорее как организованный по другой, ранней форме организации – архаической, когда иного еще не было.

Другой случай. Женщина обратилась с проблемами со здоровьем. Здесь я буду называть ее Л. Они у нее проявлялись в головных болях, но врачи не находили причин для этого. Также были жалобы на эмоциональную лабильность и невозможность противостоять стрессу.

Этот случай я использую как пример проявления архаики через те защитные механизмы, которые используются.

Действие как регистр проявления архаического.

Его рассматривают как защиту, направленную на то, чтобы избежать работы символизации, но здесь я хочу подчеркнуть другую его окраску: действие как способ примитивной коммуникации, что появляется в довербальный период. Это способ показать, прожить, продемонстрировать то, что ускользает с языка. Л., когда начинает говорить о чем-то, что ей неприятно, начинает покашливать, как будто слова застревают у нее в горле. Что здесь важно отметить, что у Л. никогда не бывает двух проявлений вместе: слез и кашля. Бывает либо то, либо другое. В ее истории смерть идет за ней по пятам, и она вынуждена постоянно ускользать от нее, несколько раз в детстве она была на грани смерти. Л. всегда платила исправно, но после нашей встречи, где она рассказала историю про то, как она чуть не погибла в аварии, а я сказала в самом конце: «Вы выжили, хотя не должны были», она переменялась в лице, его как будто свело судорогой, и она сжала зубы. Я как будто озвучила тайное желание ее матери. Л. «забыла» оплатить ту встречу. Неоплата сеанса – это был способ сказать мне или ее матери в моем лице что-то, что невозможно вербализировать. Что крутится на языке, но невозможно оформить это словами, а только показать. Тем самым она выразила непослушание, показав, что она не согласна умирать, и выразила это в мимике и действии.

Другой клиент – мужчина 35 лет, буду называть его К., тоже прибежал в терапии к невербальному языку – *речи тела*, что является для меня до-историческим способом коммуникации. Он его использовал, чтобы рассказать о себе. Он много болел в детстве, и мы не знаем истинной причины его болезней, но можем подозревать, что он был жертвой делегированного синдрома Мюнхаузена (DSM-5), но то, что происходило в терапии и до нее, показывает, что для него язык тела, соматизация – это способ коммуникации. У него был опыт клинической смерти в младенчестве. Он рассказывает о том, что, когда сталкивается с чем-то невыносимым в своей жизни, у него сразу же темнеет в глазах, начинается стук в голове, лицо спазмируется в гримасу и он начинает терять сознание. При этом он часто обращался к врачам за помощью. Но никто не может найти причин происходящего. Спазмы лица и потеря сознания выглядят и «звучат» как реакция ребенка на что-то совсем невыносимое и то, что не хочется брать. Вообще сам по себе спазм – это защитная реакция. Все сжимается, желая стать тверже, чтобы в него не проникли. Создать непроницаемый барьер. Тело К. так реагирует на перевозбуждение. Его лицо искажается в гримасе, как бы показывая отвержение, отрицание, как бы это сделал младенец. Это невербальный способ сказать «нет». Я хочу это съесть или выплюнуть, как примитивная форма телесного выражения. Еще одна телесная реакция этого клиента – частые позывы в туалет. Как если бы невозможно было удержать в себе что-то, переварить, поэтому их необходимо исторгнуть неперевавленными, это похоже на проявление в телесной форме защиты проективной идентификации, когда то, что невозможно усвоить, исторгается. В работе с К. были сеансы, где мое мышление было практически парализовано. Я как будто превращалась в его параллель, в его копию, в которую без слов выгружалось что-то из другой его части, которую мы обычно называем неневротической. Это для меня выглядит как пример проективной идентификации – отщепление того невыносимого опыта в мою психику, и только так для него стало возможным реанимировать и поддержать более здоровую часть. Я здесь предпочту называть неневротическую часть К. архаической, то есть организованной по доисторической структуре. Конкретно в случае К., как мне кажется, произошло дублирование самого себя: когда у него была клиническая смерть, он смог выжить, только умерев и создав себя заново, как бы перезапустив себя. Только так возможно было развиваться, не помня своей смерти. Мнестические следы остались, но они отщеплены от субъективного опыта К., тот мальчик тогда умер. Здесь приходит на ум образ сиамских близнецов, один из которых мертв, а второй так и остался слеплен с ним.

Заключение

Мы можем сделать наше психическое функционирование очень сложным, попытаемся интегрировать архаическое, можем переосмыслить его, но мы не можем сделать так, чтобы оно исчезло, так как мы сделаны из того, что мы называем «архаическими переживаниями». Описать их очень сложно, так как нет того, кто бы нам рассказал о нас, кто был бы внешним

наблюдателем нашей истории, кто был бы объективен. Мы сами себе и лекари, и исследователи, и мучители. Ребенок может спросить родителя о тех временах, о которых он еще не мог помнить сознательно, но все равно этот рассказ будет субъективным, а «родитель» человечества нам недоступен, и мы пытаемся «вспомнить» наше довербальное «детство».

Попытки сформулировать критерии, найти опорные точки – всего лишь способ вспомнить себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боковиков А. Н.* Последователи Фрейда // Энциклопедия глубинной психологии в 4 т. Т. 3. М.: Когито-Центр, 2002. 150 с.
2. *Кинодо Ж.-М.* Читая Фрейда. Изучение трудов Фрейда в хронологической перспективе. М.: Когито-Центр, 2004. С. 62. (Серия «Библиотека психоанализа».) 383 с.
3. *Кляйн М.* О наблюдении за поведением младенцев // «Эдипов комплекс в свете ранних тревог» и другие работы 1945–1952 гг. Т. 5. Психоаналитические труды в 7 т. Ижевск: ИД «ERGO», 2007.
4. *Кляйн М.* Развитие одного ребенка Т. 1 // Психоаналитические труды в 7 т. Ижевск: ИД «ERGO», 2007.
5. *Лайтман М.* Книга Зоар. М.: НПФ «Древо жизни», Изд. группа kabbalah.info, 2003.
6. *Лапланиш Ж.* Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. (Серия Humanitas.) 535 с.
7. *Платон.* Пир. М.: Книга по требованию, 2011.
8. *Токарев С. А.* Мифы народов мира в 2 томах. М.: Советская энциклопедия, 1988.
9. *Ференци Ш.* Собрание научных трудов: Работы 1908–1912 Т. 2 // Собрание научных трудов в 2 томах. Ижевск: ERGO, 2013.
10. *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии. М.: АСТ, Астрель, 2011.
11. *Фрейд З.* Жуткое. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psyoffice.ru/1666-freijd-zigmund.-zhutkoe.html>
12. *Фрейд З.* Отрицание. [Электронный ресурс]. URL: <https://psychic.ru/articles/classic83.htm>
13. *Фрейд З.* Очерки по теории сексуальности. М.: АСТ, 2011.
14. *Фрейд З.* Тотем и табу. М.: Азбука, 2012. 195 с.
15. *Фрейд З.* Человек Моисей и монотеистическая религия // Психоанализ. Религия. Культура. Сборник. М.: Ренессанс, 1992.
16. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. Москва: АСТ, 2021.
17. Электронный источник // DSM-5. URL: <https://icd.who.int/browse11/l-m/en/#/http%3a%2f%2fid.who.int%2fid%2fentity%2f775605963>
18. *Green A.* (2017) *Après-coup, l'archaïque* // Jacques Bouhsira et al., *L'originnaire et l'archaïque*, Presses Universitaires de France // *Monographies et débats de psychanalyse*. Pp. 229–256.
19. *Roussillion R.* (2017) *L'incontournable dimension archaïque de la vie psychique dans l'écoute psychanalytique* // Jacques Bouhsira et al. *L'originnaire et l'archaïque* // Presses Universitaires de France // *Monographies et débats de psychanalyse*. P. 97–113.

Researching archaic in the psyche

A. A. Bogdanova

Bogdanova Anna A., MPsych, psychologist (Higher School of Economics), psychoanalytic therapist.

Archaic has always been and remains an unsatisfied passion of psychoanalysis. It has always been present both in practice and in theory. Freud was among those who did not escape the fate of being fascinated by the archaic. He turned to the subject in his papers, one way or another. M. Klein's observations of babies produced even more ground for thought and debate around archaic. However, the nonverbality of the archaic, the layers of time and defense covering it, complicate or deprive us of the opportunity to see it in its original form. In this paper, the author suggests an approach of listening to archaic in patients' materials, through different optics. Moreover, a practical method of listening to archaic through the analysis of the defenses that the patient resorts to in therapy is proposed. The author suggests considering archaic as an entity consisting of two parts: rudimentary and potential which we can see in the primal phantasies – representatives of the archaic in the psyche.

Keywords: archaic, acting-out, oedipus complex, primal phantasies, defenses, differed action, myths.